

После того похода за покупками прошло еще полгода, которые я старательно тратила на разные игры, попутно составляя свой собственный словарь на трех языках, плюс со мной наконец-таки всерьез занялись японским! Я имею в виду письменным, показывая и кандзи, и хирагану, и катакану, и романдзи*, поэтому вскоре у меня начал пухнуть мозг, но я старательно переписывала для себя все в отдельные тетрадки. Впрочем, не буду врать, самым легким для меня был именно романдзи, только вот он практически не использовался в книгах, зато повсеместно встречался в повседневной жизни, вернее в городе, там им писали некоторые вывески и предупреждения на автомобильных трассах. Впрочем, это мне помогало мало, ведь в город меня брали не часто, в основном мне позволялось гулять в нашем частном секторе, где машин почти не было, а значит и знаков тоже. Правда, это никак не повлияло на мое желание научиться чему-нибудь новому и притащенные Наной детские книги, как и купленные мной самой, я упорно пыталась прочесть. Получалось с пятого на десятое, а то и на сотое, но чего-чего, а упорства мне было не занимать, как и свободного времени.

Моя мама радовалась такому рвению, а главное, стала больше мне доверять и теперь она легко отпускала меня гулять по ближайшим улицам. Правда, добивалась я этого долго и довольно упорно, последним аргументом, что сломил ее волю, стал тот, что дома мне скучно, а у нее нет достаточного количества времени, чтобы ходить со мной гулять. Кстати, в этом была еще одна странность! Как я поняла из разговоров, в Японии дети ходили в садик с трех до шести лет, причем, делясь на группы, а у меня ничего такого не было! Я не ходила сейчас, да и в прошлом я тоже такого не припоминала, поэтому вопрос напрашивался сам собой, но он не получил ответа, зато у меня появилось право выходить за пределы калитки, пусть и на строго лимитированное количество времени, специально вручив мне для этого дела простенький мобильник, наподобие старенького кирпича-Nokia. Мобильник был таким же не убиваемым и простым в применении, что не могло не радовать, язык-то я еще не очень знала. Ну и еще одной функцией этого телефона, помимо часов, стало то, что Нана могла в любой момент со мной связаться, а я должна была тут же ответить.

Впрочем, радовалась-то я телефону радовалась, но мгновенно встал вопрос, как его носить с собой, вот тут-то и пришла на помощь святая уверенность моего отца, что я настоящая принцесса! Нет, я не против, но с другой стороны, мне в жизнь не переносить все те воздушные все в рюшах платья, что он покупал каждый раз, когда возвращался на пару дней! Но, с другой стороны, под этим делом я легко смогла получить детскую сумочку и даже относительно нормального цвета, т.е. не любимый им розовый! Я получила обычную бежевую, чем была невообразимо довольна. Правда, пришлось выкинуть из нее всунутую отцом мини-барби и положить туда: набор первой помощи (перекись, бинт, пол-литра воды и кучу бактерицидных пластырей разной формы) с врученным мобильником и небольшим кошельком с мелочевкой (на мороженое, как заявила мне мама), но это уже были частности. В конце концов, я же получила возможность делать что-нибудь втайне от остальных... теоретически, на

практике выходило иное. Не знаю, как пояснить свои ощущения, но меня всякий раз, как я выходила за калитку посещало иррациональное чувство, что на меня кто-то смотрит. Взгляд не был враждебным и не нес явной угрозы, иногда возникало ощущение, что это разные люди, но главным было то, что он вообще был. Причем, самое паршивое, я не могла определить откуда он шел, а просто знала, что он есть! Это раздражало, это бесило, но изменить я ничего не могла.

Понимание, что оставлять меня одну никто не собирается, заставляло меня вновь и вновь откладывать тренировки по овладению чакрой, поэтому я так и не сдвинулась с мертвой точки. Нет, я по-прежнему ее ощущала, могла даже заставить распространиться по венам (я предпочитала их называть чакроканалами), но на этом и все. Мне нужен был маневр и место, где я смогу позволить себе ее выплеснуть, проявить, но для этого нужно было остаться одной, чего я так и не смогла добиться. Мой неизвестный наблюдатель неотступно следовал за мной. За прошедший месяц, после отвоевывания моего права гулять некоторое время в одиночестве, это порядком приелось, но я решила не обращать на это внимание и просто посвящать свое свободное время чтению детских книжек. У меня даже появилось любимое место, где и тенек был, и свежесть! Что особенно мной ценилось в связи с уже начавшейся весной и приближающимся летом!

В общем, если кто не понял, я заметила местечко возле реки, благо до нее идти было даже меньше, чем до моей любимой детской площадки. Впрочем, про ту я тоже не забывала, распределив свое время так, что после завтрака и до обеда я бегу на эту площадку и старательно трачу энергию, чтобы прибыть домой уже уставшей и голодной. Ну, а поев и немного подавив подушку, я полдничала и, взяв новую или же старую недочитанную книжечку, отправлялась на речку, чтобы в тиши и спокойствии позаниматься улучшением своих знаний. В конце концов, моя уязвленная гордость требовала гораздо более быстрого осваивания письменности, чем я демонстрировала сейчас! Однако получалось у меня все не очень хорошо, во-первых, я хотела сделать все сама и стеснялась спрашивать совета у Наны сверх необходимого. Нет, я понимала, что веду себя глупо, но ничего поделать не могла, обращаясь к ней только в крайнем случае. Во-вторых, обратиться к словарям, где написано вначале на любом из других известных мне языков, а уже после на японском, я не могла, вот и приходилось насиловать память.

Хотя стоит отдать таким занятиям должное, не имея доступа к уже сделанным словарям, я начала создавать свои собственные, которые после прятались в самые невообразимые места, чтобы их не обнаружила мама. Ну не хотела я отвечать на ее вопросы или, не дай Боже, случайно проговориться, что я не совсем ее дочь! Я уже привыкла к ней, да и сейчас... сейчас она была единственным человеком, что держал меня в этом мире. Да, пребывание в темноте ослабило боль потери, но не стерло совсем. Остаться в своем уме мне позволяло только то, что рядом была Нана, которая приняла меня, и я с ужасом думала, что она может посмотреть на меня с холодом или ненавистью. Именно поэтому, я старалась сделать все, чтобы не доставлять

ей хлопот и не заставляя плакать, улыбка ей шла больше, и я сделаю все возможное, чтобы она появлялась у нее на губах как можно чаще.

Ну, думаю, расписала свой примерный распорядок дня, что уже устоялся за почти семь месяцев после того, как мне исполнилось пять. В общем-то, сегодня он никак не отличался. Утром я отправилась на детскую площадку, побегала и попрыгала с остальными ребятами, что привели туда мамы, вернулась к нужному времени домой, поспала и пошлепала на свое облюбованное место у реки. Правда, я как-то не ожидала, что там будет несколько шумно. Вернее, неподалеку от него я увидела двух детей — девочку и мальчика, на которых наседали кучка детей постарше. Впрочем, не наседали, а под громкие мольбы и крики девочки избивали уже практически потерявшего сознание беловолосого паренька. Первой мыслью было, что я таких не знаю и лучше пройти мимо, все же вряд ли я сейчас смогу им чем-нибудь помочь, семь месяцев слишком мало, чтобы стать по-настоящему сильной. Да еще и без наставника, плюс в таком нежном возрасте и с изначально довольно щуплым телосложением. Однако и оставить все так я не могла. Не то, что мне было жалко мальчика, но стоило так подумать, как огонек чакры внутри меня взбунтовался! Очень похожие ощущения, примерно такие же я ощутила тогда, когда меня едва не уничтожил барьер старика! Следующие свои действия я не поняла сама, я просто знала, что должна сделать и действовала, не раздумывая.

— То-сан, то-сан, тут мальчика бьют! — истошный крик и только спустя пару секунд я понимаю, что кричала я. До этого яростно пинающие незнакомого мне мальчика и издевательски что-то выкрикивающие рыдающей навзрыд девочке хулиганы замерли и повернулись в мою сторону.

Смотрю на этих детей и отчетливо понимаю, что с кучкой парнишек лет восьми, я не справлюсь. Тем более их было пятеро, а я одна. Впрочем, страха нет, зато есть уверенность в правильности моего выбора. Поэтому я тычу в них пальцем и делаю вид, что смотрю на кого-то с другой стороны дороги, что шла на высоком берегу, в то время как, хулиганы с попавшими в беду детьми были возле самой кромки реки.

— То-сан! — поняв, что их не впечатлило, вновь выкрикиваю обращение к отсутствующему взрослому и с театральным раздражением топаю ногой. Из-за образовавшейся тишины, отчетливо слышно чей-то непонимающий мужской голос, судя по всему, на мои крики выполз кто-то из живущих поблизости.

— Бежим! — только услышав чье-то ворчание мгновенно среагировал, наверное, лидер этой компашки и спустя пару секунд уже ничего не напоминало об их присутствии. Довольно хмыкаю и, убедившись, что забияки ушли, начинаю спускаться к ним, попутно разглядывая детей. Вернее, мой взгляд прикипел к залитому кровью лицу мальчика, у которого оказалась рассечена бровь.

— Спасибо, — хрипло выдохнул беловолосый парнишка и потерял сознание, начав заваливаться вперед.

Тело реагирует мгновенно, и я пытаюсь его поймать, что мне даже удается, я упираюсь ему в плечи, но тут меня подводит все еще непослушное тело. В общем, из-за резкого рывка, я поскользнулась и в момент хватания паренька за плечи, моя правая нога поехала вперед и я плюхнулась прямо на пятую точку, а сверху меня придавил спасенный. Первая мысль, моей майке, да и светлой юбочке — хана. Вторая, паренек не притворяется, а значит, ему могло достаться сильнее, чем я думала. Поэтому я с трудом приподнимаюсь и выскальзываю из-под тела мальчишки, а после его переворачиваю, чтобы ощупать, да и просто убедиться, что ему ничего серьезного не повредили, все же у него возраст еще такой, когда кости мягкие и легко ломающиеся.

— Ни-сан, ни-сан! — размазывая сопли и слезы к парню кинулась девчушка, что он прикрывал от хулиганов. Нет, я не считала, что она себя ведет худо, просто ее суета мешала, как и крики, тут ведь помогать надо, а не плакать.

— Как тебя зовут? — решаю ее отвлечь, пока руки уверенно ощупывают чужое тело на повреждения, впервые радуюсь, что с братьями у меня был подобный опыт, да и на занятиях гимнастикой я много чего видела, правда там скорее вывихи, чем переломы, но все равно.

— А? — монотонный бубнеж замолкает и девочка даже перестает плакать, смотря в мою сторону большими карими глазами. Хм... кстати, странно, внешность у нее не типичная для японки, у тех глаза уже и в основном черные, да и волосы каштанового цвета для них не типичны. Правда, с парнем, которого она братом кличет, они совсем непохожи, хотя тот тоже похож на европейца, но это единственное, что их объединяет.

— Как тебя, да и его, — киваю на бессознательного мальчишку, а после продолжаю, — зовут?

— Киоко, Сасагава Киоко, — отозвалась она, — а это мой брат Сасагава Рёхей, с ним же все будет хорошо, да?

— Переломов нет, — мельком глянув в полные надежды глаза, отозвалась я. — По крайней мере я их не обнаружила. Судя по тому, что кровь изо рта не идет, да и сипов не слышно, внутреннего кровотечения тоже нет.

— Хорошо, — облегченно вздыхает она и садится так, чтобы положить голову своего братца на колени. Тяжело вздыхаю, ибо уйти не могу, интуиция буквально требует им помочь, но вот кроме промывки внешних ран водой и перекисью, сделать я ничего не смогу.

— Где ваш дом? — осторожно спрашиваю я, впрочем, не особо надеясь на ответ, ибо девочка выглядит моей ровесницей, а значит память у нее соответствующая. Адрес, вероятно, она назовет, но вот довести туда вряд ли сможет.

— Там, — неопределенный мах рукой в произвольную сторону и я поняла, что в своих предположениях была верна. Возможно, она и знала название улицы и дома, но вот воспроизвести их разом, она не могла. Впрочем, еще одной преградой стало то, что я знала расположение улиц, но не их названия, ибо кандзи по-прежнему давались мне с трудом.

— Тогда пошли ко мне домой, тут недалеко, всего-то метров триста, — тяжело вздыхаю и пытаюсь приподнять Рёхея. — Ка-чан поможет обработать его раны и позвонит вашим родителям, ну или, в крайнем случае, твой ни-сан очнется и скажет как их найти.

— Спасибо, — очередной всхлип и вот она уже помогает мне поднять своего брата. Правда, описывать, как мы потом по склону реки с ним тащились, да и до дома шли, я не буду, но зато стоило зайти за калитку, как ко мне на встречу выскочила Нана.

— Тсу-чан? — встревоженный голос и почти сразу паническое. — Это кровь?

— Не моя, — пока мама ничего не напридумывала себе, мгновенно сообщаю ей. — У Рёхея бровь рассечена, сможешь?

— Конечно, Тсу-чан! — Нана мгновенно встряхивается и кидается к нам, забирая у нас с Киоко с плеч груз, а после добавляет. — Проходите скорее.

— Спасибо, — а вот это подала голос Киоко, на что мама лишь улыбнулась и отправилась внутрь дома.

Я быстро сориентировалась и, схватив за руку, потащила девочку внутрь. Ну, и не забыв скинуть обувь, прошли дальше, чтобы увидеть, как Нана осторожно устраивает Рёхея на диване, а после, достает аптечку и первым делом обрабатывает рассеченную бровь, вначале осторожно промыв, а после заклеив клеем, похожим на БФ-6 (клей применяемый в медицине). Откуда я знаю? Да, все просто! Она уже неоднократно мне посеченные коленки и ладошки им заклеивала, результат такой же, как я получала, обрабатывая порезы у своих братьев в той жизни. Кстати, очень удобная вещь и главное, после шрамов не остается! Вернее, от небольших ранок не остается, с более большими сложнее, но тоже помогает. Впрочем, это не так важно, куда интереснее, что Нана не стала больше ничего делать и просто достала нашатырь, приводя Рёхея в сознание. Тот, обведя мутным взглядом помещение и остановившись взглядом на Киоко, облегченно вздохнул и начал приподниматься, что, пусть и с трудом, ему удалось. Хотя не совсем, если бы не помощь мамы, в самый последний момент, не выдержавшие нагрузку руки его бы подвели, и летел бы он до пола.

— Спасибо, — поблагодарил Рёхей Нану и осторожно спросил. — А где мы?

— У меня дома, — делаю пару шагов вперед и встаю прямо перед ним.

— Ты потерял сознание, и моя дочь тебя сюда принесла, — мягко и успокаивающе добавила мама. — Как ты себя чувствуешь? Ничего не болит?

— Все болит, но это пройдет, — к чему-то прислушавшись, выдал Рёхей. — Мы сейчас же уйдем.

— Сиди уже, герой, — хмыкнула я. — В таком виде, вам только по улицам шляться.

— Ой! — раздалось со стороны Киоко, которая видимо только сейчас обратила внимание, что мы обе запачкались кровью, пока тащили бессознательную тушку ее брата.

— И правда, Рёхей-кун! — поддержала меня Нана. — Пойдем, я отведу тебя в ванну, где ты умоешься и мы обработаем остальные твои раны.

— Тогда я с Киоко займу ванну на втором! — это, конечно, громкое название, на втором был лишь душ, совмещенный с туалетом, но нам его с головой хватит. — Идем, Киоко, вещи я тебе свои дам, а вот Рёхею придется майкой то-сана обойтись, его размера вещей у нас нет.

— Я их постираю и зашью, — улыбнулась мама.

— Спасибо! — хором согласились переглянувшиеся брат с сестрой, причем мне показалось, что они были рады, что вопрос об их родителях мы не подняли.

Хмыкаю и опять схватив за руку Киоко тащу ее на буксире наверх. Нет, я не собираюсь делать все долго, просто у меня проснулся азарт, да и нехватка общения сказывалась, я ведь уже и не помню, когда последний раз нормально общалась с людьми. Обычно все мое общение сводилось к играм, а там много не поговоришь. Возможно, именно поэтому я вцепилась в этих детей, как утопающий за соломинку, ведь Киоко, которая немного отошла от произошедшего, внезапно оказалась довольно болтливой. В итоге мыться ей в душе помогала я, а после сама быстренько ополоснулась и вот мы уже в похожих шортиках и маечках сидим у меня в комнате и складываем пазлы.

— Нана-сан сказала, что позвонит нашим родителям, — в мою комнату просачивается Рёхей, который был одет в длинную ему майку, правда, не отцовскую, а Наны, но даже так, она смотрелась на нем, как платье, да и сам он напоминал девочку. Еще бы ран и ссадин на лице не было, но даже так, он был довольно милым. — Чем заняты?

— А давайте поиграем в визажистов? — игнорирую вопрос парня и предлагаю самую бредовую на мой взгляд идею, кто же знал, что она придется по душе Киоко? Ну, а также то, что мальчишка не может отказать ни в чем сестре?

В общем, мое предложение было принято единогласно (воздержавшийся Рёхей не в счет), и мы стали думать, как будем действовать. Портить косметичку мамы, что ей во время одной из прогулок подарил отец, я отказалась, нужно было искать замену. Спустя пару секунд, я вспомнила о куче фломастеров и красок, в том числе и гуаши, что у меня были! Ну, а остальное уже дело пяти минут. Притащить стакан с водой, и начать осторожно накладывать тени, вначале мы с Киокой друг другу, а потом вместе, не сумевшему выдержать двойной заряд кавая (просящие глазки рулят) Рёхей! Нанеся тени, я достала черный фломастер и, похихикивая, стала прорисовывать стрелочки бедному парню, потом и его сестре, после достала зеркало и тоже самое сделала с собой. После пришла очередь губ, которые мы окрасили ярко-алой гуашью и подвели немного более темным фломастером их контур. В общем, к тому моменту, когда прибыли родители Рёхей и Киоко, мы были уже накрашенные и заканчивали пристраивать непонятно какой по счету бант на коротеньких волосенках терпеливо сносящего это непотребство беловолосого. Ну, а теперь представьте картину, мы, сидим с потеками макияжа на лицах и четкими стрелками вокруг глаз (опыт прошлой жизни не прошел даром), и заходят родители, причем, у Наны в руках фотоаппарат, который тут же щелкает. Вот так и запомнился день встречи с моими первыми друзьями, причем Нана,

оказывается за все это время сделала далеко не одну фотографию, а незаметно сняла целый фильм.

Продолжение следует...

Примечание:

* — Кандзи (漢字, букв. «Буквы (династии) Хань») — китайские иероглифы, используемые в японской письменности в основном для записи имён существительных, основ глаголов и прилагательных, а также японских имён собственных. Первые китайские тексты были завезены в Японию буддийскими монахами из корейского королевства Пэкче в V в. н. э. Сегодня наряду с исконно китайскими иероглифами используются знаки, изобретённые в самой Японии: т. н. кокудзи.

* — Хирагана (яп. 平仮名) — слоговая азбука, каждый символ которой выражает одну мору. Хираганой можно передать гласные звуки, слоговые сочетания и одну согласную (н ン). Хирагана используется для слов, для записи которых нет кандзи, например, частиц и суффиксов. Она употребляется в словах вместо кандзи в тех случаях, когда предполагается, что читатель не знает каких-то иероглифов, или эти иероглифы незнакомы самому пишущему, а также в неофициальной переписке. Формы глаголов и прилагательных (окуригана) также записываются хираганой. Кроме того, хирагана используется для записи фонетических подсказок для чтения иероглифов — фуриганы.

* — Катакана (яп. 片仮名) — вторая слоговая азбука японского языка. Позволяет передавать звучание тех же мор, что и хирагана. Используется для записи слов, заимствованных из языков, не использующих китайские иероглифы — гайрайго, иностранных имён, а также ономотопеи и научно-технических терминов: названия растений, деталей машин и т. п. Смысловое ударение на слово или участок текста, в которых обычно употребляются кандзи и хирагана, можно создать, если записать его катаканой.

* — Ро: мадзи (яп. ローマン字 букв.: «латинские буквы») — запись японских слов латиницей. Употребляется в учебниках японского языка для иностранцев, в словарях, на железнодорожных и уличных указателях. Японские названия и имена записываются с помощью ромадзи, чтобы их могли прочесть иностранцы: например, в паспортах или визитных карточках. При помощи ромадзи записываются некоторые аббревиатуры иностранного происхождения, например DVD или NATO. Широкое применение ромадзи имеет в области компьютерной техники: например, на клавиатурах часто применяется метод ввода (IME) каны через ромадзи.